

к содержанию первобытного фольклора» (с. 5).

По вопросу «Миф и историческая поэтика повествовательных жанров фольклора» Е. М. Мелетинский высказал мысль о том, что миф «был гегемоном в том лишь частично расчлененном жанровом синкретизме, который характерен для состояния повествовательного искусства в архаических обществах. Собственно сказочная семантика может быть интерпретирована, только исходя из мифологических истоков» (с. 7). «Происхождение сказки из мифа не вызывает сомнения», — отметил он и привел примеры отражения мифов в сказках о животных и волшебных. Происхождение героического эпоса автор также возвел к мифу и заметил, что «при переходе от мифа к героическому эпосу на первый план выходят отношения племен и архаических государств» (с. 14). Далее Е. М. Мелетинский подчеркнул, что мифологическая подпочва ощутима не только в заведомо архаической эпике, но и в классических эпосах древнего мира.

Высказывая свои соображения по поводу доклада Е. М. Мелетинского, В. П. Аникин заметил, что поэтика в его рассуждениях обрела абстрактный вид. Оказались отождествленными поэтика и содержание искусства. Неопределенным представляется и понятие мифа и мифологии, ибо дана лишь их предметная характеристика как совокупности повествований. Миф характеризуется как диффузное, нерасчлененное понятие, причем с точки зрения содержания.

В. А. Бахтина и Б. Кербелите выразили сомнение в справедливости высказанной Е. М. Мелетинским (вслед за В. Я. Проппом) мысли о том, что сказка происходит от мифа. Б. Кербелите заметила, что многие совпадения между мифом и сказкой еще не означают преемственности сказки по отношению к мифу. А. Н. Веселовский считает, что сходство очертаний между сказкой и мифом объясняется не генетической связью, а единством материалов и схем, только иначе приуроченных. Трудно представить, чтобы из космического мифа возникали повествования о бытовых правилах. В. Бахтина сказала, что сказка как сложившийся жанр предполагает полное неприятие системы мира, принятой в мифе, она отрицает миф и как жанр оформилась в тот момент, когда закончилась своеобразная полемика нового жанра со старым.

Солидаризируясь с Е. М. Мелетинским в том, что первичные мифологические элементы важны для исторической поэтики фольклора, Ф. М. Селиванов вместе с тем подчеркнул, что поэтику нельзя строить на материале, стоящем ниже грани поэтического. Эта грань, конечно, весьма размыта, но она есть. У непозетического материала поэтики нет. Это материал для изучения мышления, психологии систем поведения и коммуникаций в первобытном и частично в более позднем обществе. Конечно, во всем этом есть элементы бес-

сознательно-художественного отношения к действительности, но эти элементы — лишь предпосылки возникновения художественных систем, получивших конечное выражение в конкретных жанрах, в обрядовых комплексах.

Коллектив авторов сектора фольклора ИМЛИ под руководством В. М. Гацака предложил системно-аналитический подход к исследованию исторической поэтики фольклора. Предметом изучения авторы взяли не отдельные поэтические приемы, а фольклорные произведения в их цельности, пытаясь исследовать эстетическое отношение произведений разных этапов к действительности. Интуитивным, приблизительным характеристикам поэтических средств были противопоставлены данные, поддающиеся проверке. Исследователи поставили вопрос: что выделяет песня в реальности и какими средствами характеризует? Для анализа были взяты народные лирические песни не обрядового характера (при отсутствии в изучаемом фольклоре произведений собственно лирических отбирался песни, наиболее близкие к ним) — якутские, адыгские, молдавские, украинские и русские. Одной из задач было выявление круга определяемых в песне явлений и предметов (человек, земля, природные явления, флора, фауна, время, движение, предметы быта, место жительства и действия, понятия и состояния).

Первый общий признак сопоставляемых песен, выяснили исследователи, — человек, причем получен объективно-доказательный довод в пользу того, что «усиление интенсивности выделения человека — существенная примета и перспектива исторического развития поэтики песен» (с. 14). Далее авторы пришли к выводу, что «характеризующими координатами поэтики народной песни в ее развитии выступают: преимущественно и исторически возрастающее выделение человека в убывающем соотношении с природными явлениями, без динамики действия и ограничительных временных примет (переход от действия к типизированному состоянию), на локально-специфичном бытовом фоне неравной интенсивности» (с. 16).

Рассмотрев частотность определяемых понятий, коллектив пришел к выводу, что в развитии песен лирический герой утверждается в качестве основного их персонажа.

В заключение авторы наметили следующий путь исторического развития народной поэзии: 1) эпос, этическое изображение (полная объективизация); 2) первоначальное лирическое изображение; 3) своеобразный частичный возврат к объективизации как синтез всех предыдущих стадий (в сущности закон отрицания отрицания в действии) (с. 84).

Подытоживая сказанное, авторы указали на три этапа исследования: 1) выявление сферы определяемых понятий и типологии определений, их удельного веса в песнях; 2) выявление фактуры появ-